

Нужны личности

СНАЧАЛА была репетиция. И со школьных лет знакомая и волнующая атмосфера духовного подъема, когда твой голос, сливаясь с другими, становится сильнее, чище, глубже, когда, замедлив в паузе, ты с нетерпением ждешь своего вступления, слушаешь в звучании альтов, теноров, колокольное гудение басов, а затем в едином порыве подхватываешь мелодию в лику уверенности, что без тебя песня не сможет жить, парить над всем светлым, мелочным, проходящим, постепенно овладевала мною. Заполняла вместе с участниками репетиции, с таинственным блеском в глазах ловить каждый взмах неутомимого дирижера, подчиняться его строгим замечаниям, требовательному толку, смеяться его шуткам. А главное—петь, петь: протяжно и проникновенно творить «Вечерний звон», вслушиваться в весенний гром и перестук дождя в легкой «Карельской акварели», вместе с коряжкой «Вывенкой» переноситься на север, в красочную осеннюю тундру и пребывать на этой службе песне, забыв о времени и заботах.

Кто пел в хоре, тот навсегда сохранит душевный праздник, верность песне, ее нетлеющей красоте.

Такое настроение родилось во время репетиции Камчатской академической хоровой капеллы, и оно стало камертоном нашей беседы с ее руководителем—Евгением Ивановичем Морозовым, потому что о каких бы вопросах, касающихся культуры, мы ни говорили, истоки были в служении песне, музыке. А энтузиастом этой службы Е. И. Морозов, выпускник Московской консерватории, признан не только как музыкант-профессионал, но и прежде всего как руководитель капеллы, самостоятельного коллектива с 20-летним стажем.

— Вас не обижает это определение — «энтузиаст»?

— Нет. Напротив. В принципе жизненно только то задуманное дело, когда его возглавляет крепкий профессионал и энтузиаст, который трудится не только ради обязанностей, а потому, что не может жить без этого. Бывают, и не редкие, трудные минуты, бросил бы все, но эти минуты проходят. Ведь без капеллы я жить не могу. И все подчиняю именно этому.

Но такой же энтузиазм, самоотверженность должны проявлять и участники коллектива, если мы по-настоящему любим дело, которому отдаем свободное время, способности, талант, верят в профессионализм своего руководителя. Это относится к любому коллективу. Радует то, что наша многотрудная работа не остается незамеченной музыкантами, оказавшими заметное влияние на мое профессиональное воспитание. И тогда мне, например, дарят свои ноты известные у нас в стране дирижеры, народные артисты СССР Владислав Геннадьевич Соколов с надписью «Антониному энтузиасту...», то я воспринимаю это как высшую похвалу. Высоко ценю энтузиазм в нашем деле выдающийся русский хоровой дирижер Николай Михайлович Данилин. Подобную оценку он давал только тем, кто по-настоящему заслуживал этого.

В связи с этим меня тревожит ставший популярным в камчатской культуре термин «бой», даваемый своими силами. Хорошо, когда они есть. А когда их нет? Что касается руководителей культуры в районных, сельских Домах культуры, клубов, то есть в тех условиях, где лучше работает свой, местный человек, с этим я согласен. В этом плане, кстати, мы перестраиваем работу училища. Но в прошлом время, когда у нас в Петропавловске работали руководители взрослых ансамблей народного танца Вовчук, Яков, супруги Климовы, Шеховцовы. Были замечательные коллективы—были и концерты, уехали руководители—и нет взрослых ансамблей народного танца. И это никого не волнует.

Или симфонический оркестр. Когда он был, и центр эстетического воздействия был более широким. Однако никто не проявляет инициативы по возобновлению оркестра. Хорошо, что Георгий Авакумов занимается камерным оркестром, ансамблем скрипачей. Но концерты симфонического оркестра создают совершенно другую, творческую, духовную, атмосферу. Возможность регулярно слушать классику в «живом» звучании оркестра является лучшим агитатором за то, что называется «серьезную музыку». Полные залы во время гастролей в прошлом году Малого государственного симфонического оркестра СССР под руководством Ю. Симонова говорят о тае значительной части петропавловчан к этому жанру. Хочется надеяться, что к этой страсти культуры мы еще вернемся, только бы не было слишком поздно. Возглавить такой оркестр должен профессиональный симфонический дирижер, которого можно пригласить с материка. Нет у нас и студии классического балета, а тем же, кто занимается там не было бы отрыва. И если на Камчатке нет такого балетмейстера, то нужно и его пригласить. Ждет своего часа организация духовного оркестра. База для его создания слишком мала: слабо развиваются классы духовных инструментов в детских музыкальных школах Петропавловска и области. Но начинать нужно.

Неужели мы не можем во благо культуры Камчатки найти настоящих энтузиастов-профессионалов и вызвать их, неужели все упирается в несколько квартир, когда вопрос стоит о воспитании души человека? При всей сложности положения с квартирами найти выход можно. Я верю в личности в культуре, высокий профессионализм!

— Совершенно с вами согласна по поводу энтузиастов-руководителей. Да и вся, хотя и небольшая история развития культуры на Камчатке связана с именами именно таких людей: и театральное дело, и первая музыкальная школа, и подвиги начавшая работа библиотекарки и многие другие начинания в культуре.

Был, например, у нас, в 14-й петропавловской школе, учитель пения Петр Васильевич Голышев, и в пятидесятых годах в тесном деревянном здании, типа барака, без единого зала проводили удивительные музыкальные события. Рокки пения шли с первых по десятые(!) классы, постоянно пели хоры учеников, родителей, школьные группы, ставились детские оперы. А когда культурой на Камчатке стал «заведовать» И. Матрачев, то в нашем школьном коридоре доносили концерты студенты Московской консерватории, и мы впервые услышали живьем оперный репертуар на опере Чайковского «Пиковая дама» в исполнении симфонического оркестра. Позд-

нее в Петропавловске состоялся настоящий праздник симфонии, когда проездом с гастролями из Японии мы заполучили Государственный симфонический оркестр СССР под управлением К. Иванова. В театр, где шел концерт, невозможно было пробраться, велась прямая трансляция по радио.

— И это тоже говорит о нестабильности в области культурных традиций у нас на Камчатке: сегодня—есть, завтра—пустота. От такой неустойчивости снижается культурный уровень жизни. На мой взгляд, это отрицательно воздействует на значительную миграцию жителей полуострова: ведь нередко родители хотят, чтобы ребенок получил асестороннее воспитание, чтобы он общался в более культурной среде. А среду нужно создавать за счет своих коллективов и исполнителей, не надеяться только на гастролеров.

— Раз мы заговорили об эстетическом воспитании, в том числе и о музыкальном, согласитесь, что оно в наших камчатских школах сегодня достигло самого низкого уровня! Что вы для этого предпринимаете как председатель музыкального общества?

— Сейчас готовится к публикации для всенародного обсуждения «Программа эстетического воспитания», созданная Всесоюзным музыкальным обществом и Министерством культуры СССР. Будем надеяться, что она будет достаточ-

но предпринята, отчитываются и расходятся. Любителей самостоятельности много, а хоров мало: в Петропавловске, например, народный хор в Сероглазке, в городском Доме культуры, к сожалению, уже развалился народный хор в Доме культуры рыбаков. Дошло до того, что в восемьдесят третьем году единственный детский хор, с которым можно было поехать на праздник песни во Владивосток, нашли только в селе Карага.

Многое происходит оттого, что культура до сих пор живет по остаточному принципу. У руководителей самостоятельности очень низкие ставки, нет материального стимула.

Забывая музыку

— Я понимаю, что самая главная ваша общественная работа по эстетическому воспитанию связана с любимым детищем — капеллой. по-

ВОСКРЕСНЫЕ ДИАЛОГИ О КУЛЬТУРЕ

СВЯТИЛАСЬ ПЕСНЯ НА РУСИ

Сегодня мы открываем в газете новую рубрику—«Воскресные диалоги о культуре», поставив цель полнее и глубже разобратся в процессах формирования нового взгляда на развитие культуры, на значение интеллигентной личности в обществе, на тонкие нити взаимодействия культуры и жизни.

Диалоги—это не только встречи на страницах газеты с деятелями культуры, искусства, литературы, представителями самых различных профессий, мыслящих интересно и широко, это в первую очередь разговор с читателем, и мы ждем ваших советов, ваших кандидатур для беседы, ваши пожелания и замечания, с которыми будем непременно считаться.

Пока что в планах «Воскресных диалогов» — выпуски, рассказывающие о перспективах культурного строительства на Камчатке, посвященные памяти руководителя ансамбля «Мэнго», заслуженного артиста РСФСР А. В. Гиля, народного артиста СССР В. П. Андрианова.

Наш первый диалог — с руководителем Камчатской академической хоровой капеллы Е. И. МОРОЗОВЫМ.

но конструктивна, и реализация ее сможет дать реальный положительный результат.

Мы уже потеряли в эстетическом образовании не одно поколение. То, что сейчас негативного происходит в этом отношении в наших школах, результат того, что в свое время и директор, и учителя в большинстве своем не получили необходимого эстетического образования. И сегодня они искренне не понимают, как необходимо оно детям, сколько душ мы терзем, что это в конце концов отрицательно влияет на учебу. Помните, как пела 7-я петропавловская школа при Иде Антоновне Платоновой? Был и хор родителей, и учеба была на первом месте.

Если директор, администрация понимают, что это необходимо, то организуются и уроки пения по два часа в неделю, и хоры, и театральные классы, и танцевальные коллективы. Я говорю это на примере 39-й петропавловской школы, где проходят практику студенты дирижерско-хорового отделения музыкального училища и где мы встречаем понимание и поддержку. Вот в таких школах можно проводить всеобщий урок эстетике. Эту атмосферу творчества в школе сразу уловил заслуженный артист РСФСР, композитор, руководитель известной в стране детской хоровой студии «Пионеры» Г. Струве, когда выступал там с авторским концертом Дети, получившие хотя бы азы эстетического, музыкального образования, и в будущем не будут порываться с этим.

Что касается нашего дальнейшего участия в эстетическом образовании, то капелла будет продолжать давать концерты в различных аудиториях, и, конечно, для школьников. Скоро откроется для концертов и зал музыкального училища, и мы будем рады видеть там учителей со своими питомцами. Пытаюсь возродить на Камчатке выступления концертных бригад студентов и преподавателей Московской консерватории, получаю поддержку в этом ректора консерватории, профессора Бориса Ивановича Куликова. Пробовал завлечь хоровиков идеей создания хора мальчиков (такой был при музучилище несколько лет назад) или просто детского хора, но пока нет энтузиастов.

И коль скоро мы затронули вопрос о роли музыкального общества в эстетическом воспитании и школьников, и молодежи, и взрослого населения, то нужно сказать и о нашем первом фестивале искусств «Камчатская музыкальная весна». Он был проведен в прошлом году по инициативе музыкального общества и при творческом и организационном сотрудничестве с областной филармонией. В фестивале принимали участие как профессиональные артисты, так и лучшие любительские коллективы. Фестиваль будет традиционным.

— Меня потрясла цифра, которую я недавно вычитала из отчетов семидесяти годов по культуре Камчатки: 63 поющих хора, шесть тысяч певцов...

— Точной цифры я не помню, но точно знаю, в районах тогда было значительное количество хоров: и академические хоры под управлением А. Свенко в Усть-Камчатске, хор под управлением Беллера в Оссоере, народный хор В. Семеновой в Мильковом... Проводились областные, зональные праздники самостоятельности, отчеты районов в Петропавловске. Это тоже был немаловажный стимул для участников самостоятельности: поездка в областной центр, затем лучшие представляли область на зональных съездах и далее в Москве—на заключительном концерте была творческая заинтересованность и руководителей, и участников.

Сейчас же, как правило, большинство художественных коллективов собираются только перед

этому с удовольствием перехожу на разговор о ней.

В последнее время вы стали более широко обращаться к русской духовной, культовой музыке. До сих пор забываемы ваши выступления совместно с Ленинградской капеллой, когда вы исполняли фрагменты из «Всенощного бдения» Рахманинова. Не связывает ли вы принудительное забвение этого пласта русской музыки с падением эстетического воспитания народа, с тем, о чем недавно писала «Советская культура»: «Исчезновение народного хорового музицирования в России—факт не просто печальный, но вызывающий к немедленным действиям...—и наконец к засилью рока среди молодежи!»

— Это пока что не зажившая рана. Конечно, крайне отрицательно повлияли прошлые запреты. Прекрасную музыку все-таки использовали: переделывали текст, меняли образную структуру, или исполняли как вокализ, то есть пели лишь мелодию с закрытым ртом. Но музыка представляла в искаженном виде. Хорошо, что сейчас другое время, что родилось понимание необыкновенного эмоционального воздействия на современного человека духовной музыки. Она заставляет вслушиваться в дыхание прошедших веков, мы словно прикасаемся к своим корням, познаем историю. Эта музыка высокого культурного уровня воспитывает прекрасный вкус. В этом мы убеждены, исполняя в различной аудитории и «Богородице дева радуйся», «Шестопсалмие» из «Всенощного бдения» и «Концерт для хора» Рахманинова, «Херувимскую» Бортнянского...

Сегодня стало больше звучать такой музыки русских композиторов и по радио, телевидению, появляются пластинки с записями лучших образцов. Но пока этот огромный пласт отечественной культуры разрабатывается очень робко, и наша капелла пытается внести свой скромный вклад в этот важнейший процесс. Когда мы были в апреле на гастролях по Союзу, профессор, заведующий кафедрой Горьковской консерватории Лев Сивухин сказал после нашего концерта, что, как ни странно, возрождение русской музыки начинается с востока на запад. И мы гордимся этим. К счастью, я нашел понимание и поддержку в плане репертуара у нас, на Камчатке.

В прошлом году мы посвятили русской музыке целое отделение, и эти произведения органично вошли в серию концертов, посвященных 1000-летию крещения Руси. Единственное условие—эта музыка должна быть исполнена хорошо, лучше ее совсем не петь, чем петь плохо. В связи с этим меня уручает и возмущает ситуация, сложившаяся с приглашением на гастроли Ленинградской капеллы и Хабаровского симфонического оркестра. Мы не можем, как было запланировано, принять эти коллективы: сцена Дома культуры рыбаков на ремонте. В результате мы не услышим «Реквием» Верди и «Мессу» Моцарта. Это большая потеря для любителей классической музыки. Судя по всему, Дом культуры рыбаков никому не нужен. Не лучше ли тогда его отдать филармонии?

— Вы видели проекты нового концертного зала?

— Нет. Знаю, что на 1200—1300 мест, и все. Нужно, чтобы этот зал был идеальным в смысле акустики. Сегодня, по-моему, совершенно верно взят курс на приспособление культурных сооружений под концертные залы. Эти залы с прекрасной акустикой, интерьером настраивают на особую эмоциональную волну, помогают глубже воспринимать исполняемую музыку.

В Таллине, где я недавно был на Международном фестивале хоровой музыки, все концерты культовой музыки проходили в действующей церкви. Как там звучала музыка Листа, Россини, Перголези!

— Наверное, и проект церкви в Петропавловске мы воспринимаете прежде всего с этой точки зрения! Вы его видели?

— Да. В русском стиле, с колокольной.

— Очень хорошая традиция в вашей капелле—исполнять национальные песни на родном языке. Будете продолжать ее?

— Конечно. Пели уже на десяти языках. Перед гастролями в Прибалтику выучили песни на эстонском, латышском, литовском. В Болгарии исполняли на болгарском. Сейчас, перед гастролями в Японию, они планируются по линии Всероссийского музыкального общества в июне следующего года, разучиваем на японском.

— А каким образом изучаете язык?

— Приглашаем для консультации, составления транскрипции людей, которые его знают. Когда готовились к поездке в Таллин, приглашали эстонца. Латышский пришлось уточнить по телефону, потому что артистка, обещавшая нам помощь, внезапно заболела и не смогла приехать в училище. К моему приятному удивлению, латыши в Сигулде сказали нам, что песня «Вей, ветерок» получилась прилично. Они, слушая нашу распевку, даже думали, что это репетирует

— Да, конечно. Каждый грамотный музыкант может сочинять музыку. Вопрос: что это за музыка по качеству, трогает ли она кого-нибудь, нужна ли она людям? Возникновение собственных песен периодического, часто по случаю: «Камчатка — России начало» — для концерта камчатской делегации на зональном смотре в Магадане, «Твой комсомол, Камчатка», еще две комсомольские песни к юбилеям комсомола области, детский хор—для поездки во Владивосток. Но главную задачу я вижу в продолжении обработок на местном фольклорном материале.

— Ваши любимые композиторы!

— Мои пристрастия — в программе капеллы: Рахманинов, Бортнянский, Танеев, Титов, из советских композиторов — Свиридов, Прокофьев, Шостакович, Фалик. Хорошие творческие контакты установились у нас с московскими композиторами Валерием Григоренко, Анатолием Киселевым, Валерием Калистратовым. Старые связи поддерживаем с Александром Флярковским.

— Что вы предпринимаете для профессионального роста, чтобы, как говорится, не вариться в провинции в собственном соку!

— Прежде всего мне помогает работа в капелле, с хором училища. Большой творческий заряд дают ежегодные семинары, фестивали, конференции, гастроли капеллы. Музыкальное общество будет регулярно собирать руководителей академических коллективов на научно-практические конференции, на которых мы, дирижеры — хоровики, составляем свой хор и учимся друг у друга, у известных музыкантов.

— Ваши впечатления о недавней поездке в Таллин, на Международный фестиваль хоров.

— Это тоже была хорошая учеба. Целое созвездие прекрасных коллективов! Эстонский камерный хор Куно Арена, латвийский хор «Дайле» Гидо Конкара, академический смешанный хор музыкального общества Горьковской области под руководством Л. Сивухина, «Норус» — смешанный хор из Таллина Эне Юлеа, зарубежные коллективы.

Пытался представить, как бы мы выглядели, если бы участвовали в конкурсе. Пришлось бы довольно сложно: в лучших хорах поют музыканты-профессионалы. Там не менее приятно, что в Таллине нас помнят с семьдесят седьмого года и даже спрашивали, почему капелла не участвует в конкурсе.

— Мне не дает покоя ваш концерт этой весной в Вильнюсе в почти пустом зале. И это после таких успешных выступлений по Сибири и Белоруссии. Были ли высказаны сожаления по этому поводу при встрече в Таллине! Наверняка там были музыканты из Вильнюсской консерватории!

— В Таллине я жил в номере с литовцем-хормейстером, и он извинялся за этот концерт. Внешне все выглядело так, что при рекламе нашего концерта консерватория понадеялась на музыкальное общество, а те — наоборот. И рекламы не было. Но плюс нашего выступления был в том, что мы, несмотря на 17 слушателей, работали по полной программе, с отдачей, и информация, которая пошла затем после концерта, а зрители — все профессионалы-музыканты, была положительной. Она и вызвала затем извинения и сожаления. Заверили, что в следующий раз прием будет другим.

— Говорят, что Морозов очень строг как руководитель капеллы. Это ваш принцип!

— Да, я за повышенную ответственность. Добиться хороших результатов в работе и с любительским, и с профессиональным хором можно только тогда, когда в коллективе воспитана ответственность, исполнительская дисциплина — внутренняя, а не внешняя. В любительском коллективе это довольно трудно. Иду иной раз на компромисс, могу и капризы снести, но не до бесконечности. Когда начинает страдать дело, приходится расставаться с человеком. И еще у нас такой закон: если человек уходит из коллектива по причине, не извиняющей его, то затем при его желании вернуться мы его в коллектив не берем. Нужно в первую очередь по-настоящему любить хоровую музыку, искусство в себе, а не себя в искусстве, предпочитать репетицию, а не хождение в гости или в кино. В сплоченности коллектива мне помогают наши ветераны, те, кто в капелле 15—20 лет. Я очень благодарен тем семьям, которые поддерживают своим участием любовь к песне у близких.

— Но свою жену вы «уволнили» из капеллы!

— Да. Она по роду работы не могла регулярно ходить на репетиции.

— Сколько сегодня человек поют в капелле! Будете ли делать очередной набор!

— Всего в составе 45—48 человек. Будем набирать человек шесть-семь.

— Лицо певческого коллектива... Оно проявляется, безусловно, не только в репертуаре!

— Хоры отличаются на слух, по звуку, по манере звуковедения, по тембровой окраске, дикции. Я стремлюсь сохранять традиции своего учителя Александра Васильевича Свешникова, проповедую его школу: как можно бережнее относиться к певческому звуку.

Естественно, и направленность репертуара играет свою роль. Наша любимая тема; повторю, — русская классическая, духовная музыка. Одним из существенных «козырей» нашего репертуара является использование обработок фольклорных песен северян.

— Планируете ли вы чаще ездить с концертами по Камчатке!

— У меня мечта — объездить на гастролях все районные центры Корякского округа. Эта идея находит поддержку у руководителей заинтересованных организаций. Очень важно прийти с музыкой к человеку, чтобы он почувствовал ее красоту, чтобы сказал: «Я впервые слышу «живую» музыку, я не знал, что это так здорово». Ради этого нужно работать, терпеть какие-то трудности, лишения.

Мотивы тундры

— СУДЯ по отзывам и личному впечатлению, обработка вами корякских песен произвела своеобразную сенсацию и дома, и на гастролях. Знаю, что это связано с работой не одного года...

— Трудность обработки заключается в том, что не было аналогов подобной работы на нашем камчатском материале. Все пришлось начинать с нуля, методом проб и ошибок. Но в конечном итоге получилось более или менее удачно, судя по реакции искушенных музыкантов-профессионалов и просто любителей хоровой музыки. Эта работа привела меня к серьезным исследованиям на материале традиционного корякского музыкального фольклора.

И помог мне в этом один из крупных музыкальных фольклористов страны, доктор искусств, ученик Асафьева, известный музыковед, Евгений Владимирович Гиппиус. Он научил меня расшифровывать записи национальных мелодий, принципам их нотаций. 55 лет назад Евгений Владимирович проводил первый опыт такой музыковедческой записи корякских национальных мелодий в Институте народностей Севера в Ленинграде. С 1975 года каждое лето, вплоть до его смерти, мы вместе сотрудничали. Я пользовался уникальной библиотекой Евгения Владимировича. Но самое главное — была возможность общаться с интереснейшим человеком, ученым, на глазах которого проходило много уникальных событий.

— В последнее время в печати появляются в несколько строк воспоминания об Асафьеве, что он собирался писать книгу о Прокофьеве в 20-х годах, стал мишенью для нападок как автор «Книги о Стравинском», оторвался от нее в 48-м году.

— Как-то я его спросил, почему он не пишет мемуары, хотя бы о встречах с Асафьевым, он ответил: «Правду не напечатают, а ложь писать не хочу». Если бы он дождался сегодняшних дней...

— Вы будете продолжать опыты нотации песен народностей Севера!

— Да. К этому обязывает и приглашение написать статью о корякском музыкальном фольклоре в шестидесятилетнее издание «Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока», которое выходит в Новосибирске.

— Если развивать композиторскую тему, то кроме «Мотивов тундры» в репертуаре капеллы были и другие ваши произведения. Вы продолжаете сочинять!